

Евангелие от Мамоны

Иван Овсянников

Я восхищаюсь Российской Православной Церковью. В отличие от своей католической соперницы, она не желает оппортунистически подстраиваться под то, что старомодные прогрессисты, недобитки Просвещения, до сих пор именуют «современностью». Напротив – она сознательно культивирует имидж той самой гадины, раздавить которую призывает еще Вольтер. Не адаптироваться к XXI веку, но превратить его в XI. Не приспособливаться к обществу, а изменять его по своему образу и подобию. В то время как ветхий Рим вынужден то и дело произносить «*Mea Culpa!*», православное духовенство не стесняется вновь и вновь задирать ясу, дабы продемонстрировать запуганной либеральной публике еще более махровое, заско-рузлое и волосатое мракобесие.

Спор лириков и клириков

Внесенный 12.07.2010 приговор организаторам выставки «Запретное искусство–2006» Андрею Ерофееву и Юрию Самодурову вызвал законное возмущение свободомыслящей части интеллигенции. Действительно, осуждение деятелей искусства за «оскорбление чувств» заядлых мракобесов–погромщиков живо напоминает судилища инквизиции и репрессии против арт-диссидентов 60–70-х гг. Проблема, однако, в том, что либеральная критика религиозного обскурантизма абсолютно необудитель-

на и насквозь противоречива, в то время как доводы традиционалистов являются прямым продолжением либерального дискурса 90–х.

В расширяющейся экспансии Церкви: все более наглых попытках РПЦ подмять под себя сферы образования, воспитания, культуры; ввести цензуру в СМИ и Интернете, окончательно подорвать позиции научного знания, терроризировать оппонентов из числа светской интеллигенции, – видят покушение на демократические свободы и права личности. Фокус, однако, состоит в том, что «демократические» критики клерикализма на самом деле выражают мнение весьма узкого круга интеллектуалов и представителей среднего класса. Большинство общества либо полностью безразлично к проблеме, либо не усматривает в действиях церковников ничего угрожающего. Донкихотские попытки светской науки или тем более артистической богемы бросить вызов агрессивному наступлению РПЦ на новые рынки напоминает безнадежную борьбу китайцев против поощряемой западными державами торговли опиумом. Если обыкновенному российскому трудящемуся предъявить «актуального» художника, с одной стороны, и бабюшку – с другой, и заставить выбирать между этими двоими, то перевес, очевидно, будет не за богемным снобом, а за невежественным попиком. В итоге либеральные императивы легко выворачиваются наизнанку церковными софистами, примерно так же, как это делают

неорасисты с догмами либерального мультикультурализма. «На сегодняшний день школа – это антиконституционный институт, – заявляет известный идеолог РПЦ протодьякон Андрей Кураев, – потому что в Конституции РФ ясно сказано: запрещается устанавливать любую идеологию в качестве обязательной. Но школа никак этого не может расслышать, и до сих пор идеология воинствующего сциентизма оказывается единственно допустимой в образовании. Сциентизм (от лат. *scientia* – знание, наука) – мировоззренческая позиция, в основе которой лежит представление о научном знании как о наивысшей культурной ценности и достаточном условии ориентации человека в мире. Сциентизм – это вера в науку. Это вера в то, что язык естествознания и математики является единственным достойным языком, с помощью которого человек может познавать мир и самого себя»¹. А вот высказывание другого известного пастыря, иерея Александра Шумского: «Интернет есть беспредел, прежде всего, в духовно-нравственном отношении. И вот здесь мы как раз видим действие цензуры очень жесткой. Не той, которая желательная нам, христианам, и вообще людям здравомыслящим, не цензуры государственной, защищающей интересы своих граждан и их нравственное здоровье, а видим действие цензуры, не имеющей центра, сетевой либеральной цензуры. Собственно эта либеральная интернетовская цензура и есть то, что я называю либеральным фашизмом. У этого фашизма нет своего Берлина, своего бесноватого фюрера, нет одного центра, нет одной вертикали, которую можно было бы уничтожить... Необходима строжайшая государственная цензура вообще и в Ин-

тернете в особенности. Но цензура не либерального меньшинства, а традиционного большинства»².

Не будем вдаваться в рассуждения о том, существует ли в действительности «либерально-фашистский заговор» в недрах всемирной паутины и насколько вера в творение может быть сопоставлена с теорией эволюции. Живи Лео Таксиль в наши дни, шумские и кураевы доставили бы ему немало приятных минут. Проблема в другом: возможно ли защитить идеи и ценности Просвещения, пользуясь либеральным инструментарием? Может ли элитарный протест, апеллирующий к мнению западной общественности куда в большей мере, чем к нуждам и чаяниям рядовых граждан своей страны, превратиться в массовое, действительно демократическое сопротивление росту религиозного фундаментализма?

Дорога к храму

Двадцать лет тому назад перестроечная интеллигенция взмахнул вопрошала: «Зачем дорога, если она не ведет к храму?». Тема всеобщего покаяния за грехи безбожных большевиков стала идеей фикс постсоветского образованного обывателя. Отказ от коммунистического наследия, мотивированный стремлением «жить, как на Западе», «вернуть Россию в цивилизованный мир» на деле обернулся отказом от всего того, что составляет основу западной демократии: социальных гарантий, гражданских прав и светского государства. Атаке подвергся весь комплекс идей, идущих от Просвещения, и, прежде всего, идея прогресса, рационалистического познания и изменения мира. «Второе кре-

щение Руси», не случайно совпавшее с шоковой терапией, граничило с массовым психозом. Миллионы, казалось бы, культурных людей бесновались на сеансах «целителей», обивали пороги гипнотизеров, астрологов и магов, наводняли тоталитарные секты и приходы «традиционных конфессий». Больше всех в уловлении душ преуспела, разумеется, РПЦ, пользовавшаяся особым покровительством «демократов», с самого начала стремившихся реставрировать имперские порядки и символы. Религия вновь стала «вздохом угнетенной твари», «сердцем бессердечного мира», «духом бездушных порядков», «опиумом народа».

Российские либералы, вдохновлявшиеся Пиночетом и Столыпиным, презиравшие «совков» и неустанно требовавшие крови, были усердными менестрелями религиозного «возрождения». Именно с их подачи РПЦ превратилась в мегакорпорацию, владеющую громадной собственностью и политическим влиянием. С производством духовных ценностей произошло в точности то же самое, что и с материальным производством. В то время как новые русские в союзе с коррумпированной бюрократией захватывали и расхищали экономику, новые русские попы (зачастую, выходцы из той же номенклатурной среды) прибирали к рукам недвижимость, земли, культурные ценности, создавали собственную бизнес-империю, но главное – приватизировали неисчерпаемые ресурсы отчаяния и духовной опустошенности, порожденные триумфом свободного рынка.

В то время как Церковь жирела, наука и образование умирали, точнее – планомерно уничтожались либеральными «реформаторами». Пока промышленные и сельхоз-

предприятия, объекты социальной инфраструктуры приходили в упадок, среди руин поднимались сверкающие сусальным золотом купола церквей. Победившей бюрократ-буржуазии требовался новый идеологический аппарат, и православие сделалось его важнейшей составной частью.

Либералы и клерикалы – черты к двойному портрету

Либеральные деятели призывают власть соблюдать статью Конституции, декларирующую отделение церкви от государства. С тем же успехом они могли бы требовать отделения от государства «Газпрома», РАО «ЕЭС» и прочих «естественных» монополий. Утопия – думать, что в условиях современного глобального капитализма, означающего тотальное господство транснациональных корпораций, государство может быть чем-то иным, кроме как придатком монополистического капитала, его бутафорским псевдодемократическим фасадом. Рясоносные олигархи лоббируют свои интересы точно так же, как любые другие олигархи используют приватизированное государство как инструмент своей частной власти.

Школьная экспансия РПЦ в точности соответствует философии неолиберальных реформаторов, рассматривающих образовательную сферу как сферу коммерции. Действительно, если школа – рынок, тогда содержание реализуемых на нем услуг зависит не от каких-то культуртреггерских мотивов, а от потребительского спроса, который, в свою очередь, формируется теми, кто обладает большими пиар-ресурсами и политиче-

ским весом. Когда Кураев называет светскую школу антиконституционным учреждением, он всего лишь выражает либеральный принцип *laissez-faire*: «Дайте нам свободу торговли!». Что могут возразить на это либеральные критики?

Иерей Шумский, напротив, требует от государства протекционистских мер: «Защитим отечественного товаропроизводителя от информационной анархии!» Однако и тут либеральным идеологам трудно что-либо возразить. Ведь протекционизм – просто другое проявление той же самой свободы крупного капитала – свободы сильнейших устанавливать правила игры. Разве транснациональные корпорации не требуют госвмешательства всякий раз, когда очередной кризис угрожает их прибылям? И разве, признавая информацию товаром, мы не должны распространить на нее ту же самую рыночную логику, что и на все прочие товары?

Осуждение Ерофеева и Самодурова кажется средневековым варварством, однако средневековое оно только по форме. Одно из «кошунственных» произведений, представленных на скандальной выставке, изображает лик Христа на фоне эмблемы «Макдоналдс»: Богочеловек превратился в *trade mark*, а церковь – в нечто вроде духовного фастфуда. Но если Иисус – бренд, значит, глумление над ним есть ущемление интересов правообладателя. Если бы корпорация «Макдоналдс» привлекла к суду какого-нибудь художника-антиглобалиста за сатирическое использование образа Рональда Макдональда, стала бы либеральная публика поднимать шум? Можно, разумеется, возразить, что есть ценности духовные, общечеловеческие, табуированные от рыночного вмешательства. Однако по-

добные табу священны лишь для тех, кто в них верит. Гуманитарный идеализм либеральной интеллигенции с головой выдает ее непоследовательность, отнюдь не свойственную циничным неолиберальным технократам как светского, так и духовного звания.

Православно-черносотенные фанатики, так же как и их мусульманские собратья, взрывают либеральную политкорректность, апеллируя к либеральной *identity politics*. Мракобесие требует к себе толерантности. В итоге приватизированное государство выступает в роли суперарбитра и становится на сторону «неправильной», с точки зрения либералов, идентичности. Просто потому, что российский капитал в пику западным конкурентам предпочитает легитимизировать свое господство иными, правоконсервативными мифами. Таким образом, перед нами – очередная потасовка славянофилов и западников, стоящих на общей классовой платформе. Для подавляющего большинства народа она интересна не больше, чем страдания Ходорковского или дело об «антисоветской шашлычной».

Само собой разумеется, что либеральные деятели считают собственную религию единственно верной; что свобода либерального слова, либерального творчества, либеральной личности и т.д. воспринимаются ими как общечеловеческие ценности, в то время как свобода традиционалистская или, скажем, коммунистическая – как тоталитарное покушение на свободу «вообще». Однако сколь бы «естественными» ни казались либеральные права и ценности самим их носителям, круг таковых в России весьма узок. Вопреки распространенным мифам, это даже не большинство среднего класса и, уж

конечно, не большинство народа. Понятно, что претензия Московского патриархата вещать от имени «традиционного большинства» так же демагогична, однако достаточно сравнить самый заурядный крестный ход в самом захудалом провинциальном городе с самым громким из «маршей несогласных», чтобы почувствовать разницу.

Сердце бессердечного мира

Секрет успеха православного (анти-)возрождения в постсоветской России кроется главным образом в реакционно-антикапиталистической составляющей этой, как и любой другой, религиозной идеологии. От зыбкого, абсурдного, суетного, в общем – отчужденного бытия в холодной капиталистической вселенной верующий бежит в мир вечной справедливости, твердых нравственных принципов, мистических восторгов, где экзистенциальное одиночество индивида, его отчуждение от самого себя и себе подобных, иллюзорно преодолевается посредством особого рода групповой психотерапии. Травмированный капитализмом обыватель, как Хома Брут, чертит вокруг себя магический круг, заклиная чудовищную действительность вместо того, чтобы противостоять ей.

Религиозное чувство, по сути, антибуржуазно. Разумеется, на свой, мракобесный, лад. Христианское смирение означает не неприятие зла, а непротивление злу, своего рода внутреннюю эмиграцию. Дело, однако, в том, что массовое производство этого чувства является для буржуазии выгоднейшим инвестиционным проектом. Ведь это своего рода ути-

лизация эмоциональных отходов классового угнетения.

Церковь в современном мире – такая же фабрика грез, как шоу-бизнес, порно- и нарко- индустрия (не отсюда ли нагнетание истерии вокруг подростковой сексуальности, молодежных субкультур, «разврата» в Интернете и прочих греховных радостей, составляющих опасную конкуренцию великим постам и крещенскому моржеванию?). Подобно всякой другой корпорации, она стремится утвердить свою монополию на рынке духовных услуг, опираясь при этом на традицию как важнейшее конкурентное преимущество. Впрочем, сама «традиция» является в значительной степени выдуманной. Идеологическая гегемония РПЦ была серьезно подорвана еще до революции, обрекшей церковь на маргинальное существование. Массовая – и то, по большей части, внешняя – религиозность получила распространение лишь в 90-е годы. Буржуазная реставрация дала церковникам уникальный исторический шанс, но в то же время поставила их перед новыми вызовами. Нынешнее воинствующее мракобесие – реванш за 70-летнее прозябание, но так же и ответ на давление глобального рынка, предлагающего потребителю широкий ассортимент самых разнообразных идеологических зелий.

Социальная демагогия является излюбленным мотивом клерикальной пропаганды. Однако за моралистическими сентенциями церковников не стоит даже сколь-нибудь заметной программы социальной благотворительности. Примечательно, что, вменяя государственной системе образования задачи религиозной пропаганды, РПЦ не принимает никаких социальных обязательств перед школой. Преподавать «закон божий»

предстоит учителям, наглядно олицетворяющим собой обет добровольной бедности, в то время как церковная казна, по всем данным, отнюдь не пустует. Принудительное «духовное окормление» заключенных и солдат-срочников будет дополнено подобным же окормлением учащихся, и только. Зато помощь страждущим, вроде бы являющаяся евангельским долгом христиан, в исполнении РПЦ выглядит неприлично жалко. Так, на всю Москву имеется только два «православных» автобуса, оказывающих первую помощь бездомным³. По данным православных сайтов, в России насчитывается чуть более 800 воспитанников церковных детских домов. При этом, по признанию протоиерея Аркадия Шатова, председателя Комиссии по церковной социальной деятельности при Епархиальном совете Москвы, зарплата церковных воспитателей в два раза ниже, чем у работников государственных приютов, «многие из церковных детских домов не зарегистрированы, не имеют лицензии, действуют полуподпольно»⁴. В то же время, РПЦ не только находит средства, чтобы вести массовое храмовое строительство, но и сама активно спекулирует на рынке недвижимости. К сожалению, сведения о доходах Московского патриархата крайне фрагментарны (бюджет РПЦ не публиковался с 1997 года). Кое-какие данные, однако, просачиваются в прессу. Так в январе этого года в газете «Аргументы и факты» вышел материал о деятельности православных ризелтерских агентств⁵, отчисляющих 10% прибыли в пользу церкви и берущих комиссионные, в два раза превышающие средние по рынку. В 2007 году, выступая на Международном инвестиционном форуме в Берлине (sic!), представители

Центра инвестиционных программ при РПЦ объявили о намерении использовать имеющиеся земельные участки в Москве под строительство офисов и элитного жилья. По данным газеты «Время новостей», проекты должны были затронуть «сотни адресов по всей Москве, в том числе объекты, находящиеся недалеко от Кремля»⁶.

Социализм или варварство?

Чтобы последовательно критиковать религию и церковь, необходимо держаться иных, противоположных клерикальным, классовых позиций. Борьась против светской власти церкви, за секуляризацию церковных имуществ, призывая удавить последнего тирана кишкой последнего попа, классический европейский либерализм XVIII–XIX вв. отстаивал не интересы абстрактной личности, а классовые интересы мелких и средних буржуа, обоснованно видевших в религиозном невежестве и фанатизме угрозу феодальной контрреволюции. Однако сломив политические амбиции аристократов и клерикалов, западная – теперь уже монополистическая – буржуазия сделала церковь своим верным оруженосцем. Единственным наследником просветительского антиклерикализма и атеизма остался марксизм, в то время как буржуазный мейнстрим составили откровенно иррационалистические идеологии.

Перед светской, гуманистически мыслящей интеллигенцией в нашей стране стоит выбор: уйти в катакомбы или вступить в борьбу. Либо смириться с наступлением «темных веков» фундаментализма и ксенофобии, занимаясь бе-

режением ничего не освещающе–го и никому, в общем–то, ненужно–го «огонька», либо попытаться найти дорогу к умам и сердцам трудя–

щихся, поставить элитарное знание на службу подлинно демократическим, антикапиталистическим, прогрессивным целям.

Примечания

1. Выступление А. Кураева на презентации учебника ОПК. http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=221
2. А. Шумский, Отцеубийца – Интернет! http://ruskline.ru/news_rl/2010/07/13/otceubijca_internet/
3. Кто поможет автобусу? <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=2&s=17&id=4961>
4. Кризис ставит под угрозу реализацию благотворительных проектов Русской Церкви. <http://www.pravoslavie.ru/news/28519.htm>
5. Православные риелторы: работают за деньги или за веру? <http://www.aif.ru/realty/article/32356>
6. С небес на элитные участки. <http://vremya.ru/2007/21/4/171101.html>